

СТРАСТЬ ДОКАЗАТЬ НЕДОКАЗУЕМОЕ, ИЛИ НАПИСАЛ ЛИ Г.Е. ВЕРЕЩАГИН «ЧАГЫР, ЧАГЫР ДЫДЫКЕ...»?¹

© Василий Михайлович ВАНЮШЕВ

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения
Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела
филологических исследований, почетный профессор Удмуртского государственного
университета, народный писатель Удмуртии, e-mail: vvanushev@mail.ru

Является продолжением, или органической частью публикации «Представитель позднего литературогенеза, или диалог с первым удмуртским ученым и писателем» данного автора в научном журнале «Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки». Тамбов, 2015. Вып. 3 (143). В данной работе предпринята попытка понять мотивы неумной страсти Д.М. Сахарных опровергнуть устоявшееся мнение о том, что стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» = «Сизый, сизый голубочек...», опубликованное под видом народной песни первым удмуртским ученым и писателем Г.Е. Верещагиным в 1889 г. в своей этнографической монографии «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» в Санкт-Петербурге, принадлежит перу самого удмуртского «народо-языковеда», как он сам себя иногда называл. Раскрывается искусственная драматизация привычного взгляда на это стихотворение, занимающее ключевое положение в истории удмуртской литературы, несостоятельность всех пяти «доказательств» опровергателя. оперативным поводом создания работы явилось появление в Википедии утверждения, что «раньше» это стихотворение приписывали перу Г.Е. Верещагина, однако теперь молодые исследователи «доказали», что это чисто фольклорная песня.

Ключевые слова: авторское стихотворение; народная песня; сознательная культивация колыбельной песни.

Начиная с 2005 г. с тезисов своего студенческого доклада, Д.М. Сахарных, ныне сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртии, еще в четырех только известных нам публикациях (некоторые из них и в печатном, и в электронном вариантах), повторяя одно и то же, иногда добавляя будто бы новые данные в доказательство своей правоты и, видно, набирая себе «научную» известность², будто бы опровергает суждения именитых авторов о том, что стихотворение первого удмуртского ученого и писателя Г.Е. Верещагина (1851–1930) «Чагыр, чагыр дыдыке...» = «Сизый, сизый голубочек...», опубликованное на удмуртском языке в авторском переводе на русский язык внутри этнографического повествования под

видом народной песни, принадлежит самому Г.Е. Верещагину [1–3; 4, с. 44–45].

Почему же, по мнению Д.М. Сахарных, автором стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке...» Г.Е. Верещагин не является?

Во-первых, утверждает он, так считают удмуртские исследователи А.Г. Шкляев и Р.Ш. Насибуллин, в ходе литературных дискуссий 1989 г. придерживавшиеся мнения, что это не авторское, а чисто фольклорное произведение, потому что, дескать, во время экспедиций последних лет часто приходилось фиксировать исполнение этой удмуртской колыбельной песни информантами. Однако хочется спросить нашего опровергателя: думают ли так до сих пор эти люди, или у них изменились мнения в результате полученных новых научных данных? Ведь с тех пор прошло полтора десятилетия.

Во-вторых, будто бы не права Т.Г. Владыкина, подвергшая фольклористическому исследованию народного исполнения этой песни и пришедшая к выводу: да, это не поливариантный, фольклорный, а канонизированный письменный текст, так широко распространенный в народе с помощью многократного исполнения, сознательной популяризации жанра колыбельной песни среди удмуртского населения талантливым поэтом,

¹ Статья написана в рамках выполнения проекта «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России XIX – первой половины XX в.»

² В Интернете выложена копия сертификата, свидетельствующая о том, что Сахарных Денис Михайлович является одним из 14 394-х участников интернет-энциклопедии «Выдающиеся ученые России» и о том, что для получения такого сертификата, нагрудного знака и удостоверения вносится плата с суммой 3300 рублей. <http://www.famous-sients.ru/certification/3088>.

фольклористом и педагогом Кузебаем Гердом. Текст этот, как указывал К. Герд, взят из сочинений Г.Е. Верещагина [5, с. 135-141]. Говоря о сочетании северных и южных песенных традиций удмуртов в данном стихотворении, что, по мнению Т.Г. Владыкиной, свидетельствует не о традиционном фольклорном характере этого стихотворения, а о каноническом, присущем авторскому произведению, Д.М. Сахарных иронизирует: «Тезис о специфически североудмуртских образах (в пользу авторства Верещагина. – В. В.), конечно (выдел. при цит. – В. В.), далеко не очевиден, ведь в стихотворении речь идет о том, как мать ухаживает за ребенком, мечтает о том, как ее дитя повзрослеет, пойдет в лес рубить дрова и т. д., между тем рожают детей, рубят лес и кушают табани как северные, так и южные удмурты, и делают это приблизительно одним и тем же способом» [3, с. 53]. Однако торжествовать опровергатель Т.Г. Владыкиной, как видно, поторопился. Ему, не филологу, возможно, даже простиительно непонимание разницы между образами реальной жизни, отображаемыми в стихотворном тексте (представлениями матери о будущей жизни ребенка, о чем напоминает здесь Сахарных), и характерными фольклорными образами, составляющими стилевую структуру произведения (напр., «Вырастешь большой, возьмешь топор, принесешь дров» – сев. trad. и «Мать принесет молока, отец принесет беличьего мяса» – южн. trad.), о которых и идет речь в рассуждениях Т.Г. Владыкиной. Но, в таком случае, не зная броду, зачем же преподавателю-историку лезть в воду и с таким победительным видом?

Д.М. Сахарных попадает впросак и со следующим категоричным заявлением: «Владыкина говорит, что «Чагыр, чагыр дыдыке» на севере все равно является пришлой песней, поскольку на севере ее поют так, что «в исполнительской манере видна заученность, что характерно для авторской песни <...>». Здесь мы имеем дело, – заявляет Д.М. Сахарных, – с **намеренным введением читателей в заблуждение** (выдел. при цит. – В. В.). Ведь в данном случае речь идет о записях, сделанных, как можно подумать, в северных районах Удмуртии. Т.Г. Владыкина ссылается на материалы фольклорной экспедиции 1986 г. к удмуртам Ватка и Калмез Унинского р-на Кировской обл.! И понятно,

что как раз для этих удмуртов, оторванных от общего этнического массива, «Чагыр, чагыр дыдыке» действительно является «пришлым» [3, с. 54]. Обвинителю-судье следовало хотя бы посмотреть на карту Удмуртии и Кировской области, прежде чем вынести такой приговор одной из ведущих фольклористов не только Удмуртии, но и всего финно-угорского мира России. Но для «разоблачителя», конечно, тем почетнее, чем больший авторитет подпадает под его «критику». Между тем следовало бы и знать, что локальные фольклорные традиции формируются и делятся не по административным границам, которых, кстати сказать, в пору формирования данных традиций между нынешней Удмуртией и нынешней Кировской областью и в помине не было, а по территории проживания людей. Нынешний Унинский район непосредственно примыкает к территории нынешней Удмуртии. По фольклорно-этнографическим признакам унинские удмурты и есть часть северных и срединных удмуртов.

Таким образом, стремление Д.М. Сахарных утвердить свою идею-фикс с помощью обвинения Т.Г. Владыкиной в нелогичности и лжи построено на определенной филологической безграмотности преподавателя-историка и неуклюжей попытке подтасовки фактов.

Подобные качества выявляются и в его «поправках» суждений венгерского исследователя П. Домокоша, основателя мировой литературной финно-угристики, автора множества работ о словесной культуре удмуртов, в частности «Истории удмуртской литературы» [6]. П. Домокош не участвовал в дискуссиях на тему, принадлежит или нет этот текст Г.Е. Верещагину. Он это авторство принимает безусловно. Венгерский ученый подчеркивает мысль о том, что письменная национальная литература начинается, с одной стороны, с этнографической обозначенности отображаемого мира, с другой – с опорой на эстетическое богатство народа, что подтверждается и подробным исследованием всего многогранного творчества Г.Е. Верещагина.

Итак, в-третьих, почему, по «доказательствам» Д.М. Сахарных, «Чагыр, чагыр дыдыке...» не принадлежит перу Г.Е. Верещагина: «Показательно, что П. Домокош не видит никаких существенных признаков авторского происхождения «Чагыр, чагыр дыдыке», – категорично и преднамеренно ложно утвер-

ждает Д.М. Сахарных. При этом он приводит «спасительную» цитату из книги П. Домокоша в подтверждение своей правоты: «След руки ученого и поэта (помимо точного ритма и рифмования) можно увидеть разве что в употреблении, причем последовательном, деепричастий». После некоторых путанных размышлений по поводу этой цитаты (дескать, введение деепричастий и точной ритмики, рифмовки еще не дают право называть Г.Е. Верещагина автором) Д.М. Сахарных вновь повторяет: «...признаков авторской обработки текста «Чагыр, чагыр дыдыке» П. Домокош вовсе не обнаружил», выворачивая наизнанку размышления венгерского финно-угроведа. П. Домокош пишет не об обработке текста «Чагыр, чагыр дыдыке...», он не обработан, он **создан** Г.Е. Верещагиным, а о литературной, поэтической обработке им **этнографически-фольклорного, народного материала**. В том же месте, откуда **выдернута цитата** любителем подискутировать, П. Домокош пишет: «По мнению Верещагина, колыбельная песня в удмуртском фольклоре – явление редкое, плачущего ребенка мать баюкает такими словами: «голубчик, золотце мое, сокровище!» (*«дыдыке, зарние, мусое!»*) и только иногда спрашивает «Почему плачешь?» (*«Малы б́рдрд́ськод?»*)). И далее следуют слова венгерского ученого, которые четко разоблачают ложь Д.М. Сахарных: **«Из этого очень незначительного материала он создал прекрасную песню, поместив в фольклор отсутствующий и вообще незнакомый до этого жанр»** (выдел. при цит. – В. В.) [6, с. 182-183].

Д.М. Сахарных приходится притворно закрывать глаза на довольно обширный текст, из которого и выдернул он цитату и в котором П. Домокош убедительно развивает свои мысли. «Языковые средства стихотворения очень просты, почти примитивны, однако у Г.Е. Верещагина они становятся подлинной поэзией», – пишет венгерский ученый и приступает к анализу сознательного выстраивания строфической структуры произведения удмуртским поэтом: «Первая и последняя строфы тождественны, содержат два обращения и два вопроса, и не только композиция параллельна, но и опорные слова повторяются <...>. Строфы, состоящие из простых повествовательных предложений или из сложносочиненных предложений, соединяют рифмы окончаний, и след руки ученого и поэта (помимо точного ритма и риф-

мования) можно увидеть разве что в употреблении, причем в последовательном, деепричастий» [6, с. 182]. Д.М. Сахарных очень понравилась не совсем понятная по переводу оговорка «разве только» Домокоша, он ухватился за нее, искажая логику подхода к стихотворению со стороны венгерского ученого. Между тем П. Домокош продолжал демонстрировать «след руки» ученого и поэта в создании стихотворения: «Строфы создают то обрамление, которое намекает на подлинную обстановку, на плачущего ребенка, на мать, суетящуюся около него, они объединяют те три периода крестьянской (и вообще человеческой) жизни, которые представляют нам идущего утром с песней на работу мужчину, образ женщины, ожидающей с ужином сильно уставшего на работе мужа, уютную семейную картину скромного, но вкусного и заслуженного в тяжелом труде ужина. Изображение удмуртского быта полное, а помазанные маслом табани и медовуха – характерные явления удмуртской жизни» [6, с. 182].

В интерпретации П. Домокоша стихотворение, состоящее из двадцати строк, предстает как широкое эпическое полотно, вмещающее в себя картины самых значительных сторон жизни удмуртской трудовой семьи. Выделяя ряд признаков национального в нем, он видит и значительное обобщение в плане общечеловеческого. Произведение, пишет он, является **образцом выражения** материнской любви, заботы, мечтаний, вызывает зримые черты ласкающей своего ребенка вечной женщины [6, с. 181-182]. Это ли не признание венгерским ученым блестящего выполнения **Г.Е. Верещагиным** задачи создания литературного произведения на основе небольших, но глубоких, емких народных образов? Попытка Д.М. Сахарных отвергнуть такое признание основано, как видно, лишь на субъективном страстном желании, исполненном с помощью подмены понятий, выдергивания цитаты и сознательной ложной интерпретации ее.

Но есть в притязаниях Д.М. Сахарных еще и «в-четвертых»: «существенное обстоятельство, которое позволяет **напрямую отклонить версию об авторстве Г.Е. Верещагина** (выделено при цит. – В. В.), а именно: «в момент написания книги (*«Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии»*). – В. В.) он удмуртского языка не знал, или знал его чрезвычайно плохо», значит, создать вошедшую в нее песню «Чагыр, чагыр дыдыке...»

на удмуртском языке он не мог [3, с. 54]. И, конечно, у Д.М. Сахарных есть «убедительные доводы» – некоторые издательские недоразумения в одной из публикаций Г.Е. Верещагина [3, с. 54]. И в выводах опять же – пальцем в небо.

Вырос Григорий Егорович в удмуртско-русском селе Полом в северной части нынешней Удмуртии, общался и с русскими, и с удмуртскими детьми. Владел, как и многие другие жители села, и тем, и другим языками. Впоследствии в этнографическом очерке «Остатки язычества у вотяков» сам писал о том, как он в открытой им в 1887 г. земской школе в удмуртской деревне Ляльшур из-за незнания русского языка детьми, вопреки указаниям сверху, учил их на родном, удмуртском языке [7]. Зафиксированы и воспоминания старожилов деревни об этом, а также о том, как он, организовав воскресную школу, проводил беседы с мужиками по самым насущным для них вопросам, тоже, конечно, на их родном удмуртском языке. «Не склоняйте голову, ничего не бойтесь, ходите с приподнятой головой, расправив плечи. Вы такие же люди, как и русские и любые другие. Ходите по земле свободно и спокойно», – учил он своих слушателей [8, с. 49]. Это было как раз в то время, когда создавалась и этнографическая монография «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», куда вошло стихотворение, о котором мы ведем сейчас речь.

Не только разговаривал, но и писал в то время учитель Г.Е. Верещагин на удмуртском языке. Литературоведами и педагогами немало опубликовано и о том, что именно в эти годы, чтобы легче было познакомить удмуртских детей с творчеством великого русского поэта А.С. Пушкина, он взялся за перевод на их родной язык поэмы-сказки «Золотая рыбка» [9, с. 78-90]. Литературоведы и фольклористы отмечают великолепный народный язык северного наречия удмуртов в этом вольном переводе, приобретшем убедительные черты оригинального произведения по мотивам сказки А.С. Пушкина [10, с. 206-231]. Именно в эти годы молодой педагог, также ориентируясь на восприятие своих учеников, по мотивам русских народных сказок написал поэму «Батыр дһсь» («Богатырская одежда») на родном языке. Таким образом, уже в те времена он один из первых активно формировал удмуртский письменный

литературный язык. Мало того, Г.Е. Верещагин был одним из тех, кто определял, каким путем следует идти в книгоиздании на удмуртском языке, предложил даже свою систему обозначения специфических удмуртских звуков на письме [11].

Г.Е. Верещагин не знал удмуртского языка! Смешно это читать. Но более того – грустно. Странно, что, берясь за развенчивание первого удмуртского ученого и писателя, ничего о нем не знал Д.М. Сахарных. Или для читателей делал вид, что не знает? И тут «кривил пером»?

От публикации к публикациям аппетиты Д.М. Сахарных росли. В последней из них он решил уже совсем оторвать «Чагыр, чагыр дыдыке...» от удмуртских традиций. Та убедительная демонстрация возникновения поистине эпического образа народной жизни под пером Г.Е. Верещагина на основе небольшого, но емкого фольклорного материала, проделанная П. Домокошем, для Д.М. Сахарных «не существует». Да, признает он, стихотворение в самом деле замечательное. Но разве удмурты могут создать такое? Опровергателью, по-видимому, ничего не остается, кроме как довести свою линию «доказательств» до абсурда. «Верещагину действительно повезло столкнуться с уникальным случаем исполнения песни, созданной по мотивам, или, может быть, в результате перевода какой-то *русской* (курсив автора. – В. В.) колыбельной», – пишет он, подчеркивая другую национальную принадлежность происхождения песни «Чагыр, чагыр дыдыке...» [3, с. 54-55]. Д.М. Сахарных, по-видимому, невдомек, что он при этом противоречит сам себе. Если первоначально стихотворный текст был на русском языке, то кто же так великолепно, причем в традициях удмуртского фольклора и этнографии, «обработал», перевел его на удмуртский язык? Г.Е. Верещагин? Нет, конечно! Такой мысли допустить Д.М. Сахарных не может. Или рядом с ним был еще какой-то другой талантливый удмуртский писатель? Он и подкинул Г.Е. Верещагину эту песню-стихотворение? Д.М. Сахарных назвал бы хоть нам эту личность! Для истории литературы это очень важно. Но нет, взоры его направлены совсем в другую сторону: «Знатоки *русского фольклора должны* (выдел. при цит. – В. В.) попытаться найти то произведение, благодаря ко-

тому появилось на свет стихотворение и песня «Чагыр, чагыр дыдыке» [3, с. 55]. Однако «знатоки фольклора» могут сказать: пусть ищет сам выдающийся деятель науки России Денис Михайлович Сахарных! «Для современных фольклористов непреложен постулат о бесплодности поисков инварианта, некоего совершенного текста, давшего жизнь различным вариантам (лучшим или худшим). Жизнь фольклорного произведения – жизнь десятков, а то и сотен вариантов» [5, с. 136]. И фольклорный материал сам по себе литературным произведением стать не может. Они отличаются между собой, прежде всего, по своему стилю, художественной структуре и, как правило, по целевой, идейно-эмоциональной направленности. Для создания литературного произведения на фольклорной основе нужен писатель.

Читаешь эти публикации Д.М. Сахарных, и неотступно созревает мысль: что питает такую страсть его оторвать данное стихотворение от Г.Е. Верещагина и вообще от удмуртской национальной культуры? Уж не ксенофобия ли?

Одну из статей этой серии Д.М. Сахарных начинает рассуждениями о том, что «Чагыр, чагыр дыдыке...» – это интересное, значительное произведение – является своего рода брендом, символом Удмуртии [2, с. 397]. И всем ходом назойливых публикаций пытается навязать мысль: Удмуртии, но не удмуртов! В одной из этих публикаций он открыто выражает свою неприязнь к представителям удмуртской интеллигенции. Упрекая своего единомышленника, пытавшегося доказать, что Г.Е. Верещагин не является удмуртом, но назвавшего его удмуртско-русским «бикультуралом», в некоторой непоследовательности в споре с удмуртскими исследователями, Д.М. Сахарных пишет: «Представляется любопытным, почему же Шумилов, неоднократно вступавший с представителями удмуртской интеллигенции в скандальную, доходившую до судебных разбирательств полемику, на сей раз был вынужден приписывать Верещагину «двойственность» [14; 15]. И далее: «Едва ли его **бездействие** (здесь и далее выдел. при цит. – В. В.) может быть объяснено желанием отыскать компромиссное решение и сохранить мир в рядах верещагиноведов: **нападки** на удмуртских ученых – исследователей творчества и биографии о Григория на страницах упомянутой выше монографии («Православная

Удмуртия». – В. В.) и других сочинений Шумилова отнюдь **не редкость**, между тем как развитие темы, связанной с «шумиловской цитатой», безусловно, не могло не дать повода к **очередному наступлению** на оппонентов» [2, с. 398].

Так или иначе, эта страсть Д.М. Сахарных питается не поисками истины. С помощью сознательных ухищрений и подтасовок истину не утверждают.

-
1. Сахарных Д.М. Был ли Григорий Верещагин автором стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке»? // Тезисы докладов 33 итоговой студенческой научной конференции УдГУ. Ижевск, 2005. С. 97-99.
 2. Сахарных Д.М. «Шумиловская цитата»: к биографии Григория Верещагина // Демидовские чтения на Урале. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2006. С. 397-398.
 3. Сахарных Д.М. Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М., 2010. № 2. С. 52-55.
 4. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Спб., 1889. Т. 14. Вып. 3.
 5. Владыкина Т.Г. «Чагыр, чагыр дыдыке...»: опыт фольклористического прочтения // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья / сост. и отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 1991. С. 135-141.
 6. Домокош П. Г. Верещагин // Домокош П. История удмуртской литературы: монография / пер. с венгер. В. Васовчик. Ижевск, 1993. С. 180-184.
 7. Верещагин Г.Е. Остатки язычества у вотяков. Вятка, 1895.
 8. Кукулина Е.М. Г.Е. Верещагин в деревне Ляльшур // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья / сост. и отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004. С. 47-50.
 9. Тукаев И.П. Г.Е. Верещагинэн калыкез югдэтон но нылпиосты дышетон сярсы малпанъсыз [Мысли Г.Е. Верещагина о просвещении народа и обучении детей] // Верещагин Г.Е. Чагыр, чагыр дыдыке. Ижевск, 1984. С. 78-90.
 10. Ванюшев В.М. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и поэма «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») Г.Е. Верещагина // Ванюшев В.М. Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: монография. Ижевск, 1995. С. 206-229.
 11. Верещагин Г.Е. О книгах на вятском языке. Вятка, 1895.
 12. Верещагин Г.Е. Батыр дһсь (Богатырская одежда) // Г.Е. Верещагин. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В.М. Ванюшева. Ижевск, 2004. Т. 5: Литературные сочинения. С. 27-34.
 13. Верещагин Г.Е. Зарни чорыг (Золотая рыбка) // Г.Е. Верещагин. Собрание сочинений: в 6 т. /

- под ред. В.М. Ванюшева. Ижевск, 2004. Т. 5: Литературные сочинения. С. 34-43.
14. Сахарных Д.М. Об авторстве «первого удмуртского стихотворения»: интернет-публикация на сайтах «Вестник Евразии – Acta Eurasika». URL: <http://www.eavest.ru> (дата обращения: 20.01.2015).
 15. Сахарных Д.М. Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // «Удмурт кыл». URL: http://home.Udmnet.Ru/udmurt_kyl (дата обращения: 20.01.2015).
 1. Sakharnykh D.M. Byl li Grigoriy Vereshchagin avtorom stikhotvoreniya “Chagyr, chagyr dydyke”? // Tezisy dokladov 33 itogovoy studencheskoy nauchnoy konferentsii UdGU. Izhevsk, 2005. S. 97-99.
 2. Sakharnykh D.M. “Shumilovskaya tsitata”: k biografii Grigoriya Vereshchagina // Demidovskie chteniya na Urale. Tezisy dokladov. Ekaterinburg, 2006. S. 397-398.
 3. Sakharnykh D.M. Ob avtorstve “pervogo udmurtskogo stikhotvoreniya” // Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoy kul'ture. M., 2010. № 2. S. 52-55.
 4. Vereshchagin G.E. Votyaki Sarapul'skogo uyezda Vyatskoy gubernii // Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. Spb., 1889. T. 14. Vyp. 3.
 5. Vladykina T.G. “Chagyr, chagyr dydyke...”: opyt fol'kloristicheskogo prochteniya // Dooktyabr'skie istoki mezhliteraturnoy obshchnosti Uralo-Povolzh'ya / sost. i otv. red. V.M. Vanyushev. Izhevsk, 1991. S. 135-141.
 6. Domokosh P. G. Vereshchagin // Domokosh P. Istoriya udmurtskoy literatury: monografiya / per. s venger. V. Vasovchik. Izhevsk, 1993. S. 180-184.
 7. Vereshchagin G.E. Ostatki yazychestva u votyakov. Vyatka, 1895.
 8. Kuklina E.M. G.E. Vereshchagin v derevne Lyal'shur // G.E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitiye narodov Uralo-Povolzh'ya / sost. i otv. red. V.M. Vanyushev. Izhevsk, 2004. S. 47-50.
 9. Tukaev I.P. G.E. Vereshchaginlen kalykez yugdyton no nylpiosty dysheton syarys' malpan"esy [Mysli G.E. Vereshchagina o prosveshchenii naroda i obuchenii detey] // Vereshchagin G.E. Chagyr, chagyr dydyke. Izhevsk, 1984. S. 78-90.
 10. Vanyushev V.M. “Skazka o rybake i rybke” A.S. Pushkina i poema “Zarni choryg” (“Zolotaya rybka”) G.E. Vereshchagina // Vanyushev V.M. Tvorcheskoe nasledie G.E. Vereshchagina v kontekste natsional'nykh literatur Uralo-Povolzh'ya: monografiya. Izhevsk, 1995. S. 206-229.
 11. Vereshchagin G.E. O knigakh na votskom yazyke. Vyatka, 1895.
 12. Vereshchagin G.E. Batyr dhs' (Bogatyrskaya odezhda) // G.E. Vereshchagin. Sobranie sochineniy: v 6 t. / pod red. V.M. Vanyusheva. Izhevsk, 2004. T. 5: Literaturnye sochineniya. S. 27-34.
 13. Vereshchagin G.E. Zarni choryg (Zolotaya rybka) // G.E. Vereshchagin. Sobranie sochineniy: v 6 t. / pod red. V.M. Vanyusheva. Izhevsk, 2004. T. 5: Literaturnye sochineniya. S. 34-43.
 14. Sakharnykh D.M. Ob avtorstve “pervogo udmurtskogo stikhotvoreniya”: internet-publikatsiya na saytakh “Vestnik Evrazii – Acta Eurasika”. URL: <http://www.eavest.ru> (data obrashcheniya: 20.01.2015).
 15. Sakharnykh D.M. Ob avtorstve “pervogo udmurtskogo stikhotvoreniya” // “Udmurt kyl”. URL: http://home.Udmnet.Ru/udmurt_kyl (data obrashcheniya: 20.01.2015).

Поступила в редакцию 9.02.2015 г.

UDC 821.511.131

PASSION TO PROVE UNPROVABLE OR WHETHER G.Y. VERESCHAGIN WROTE “CHAGYR, CHAGYR DYDYKE...”?

Vasilij Mihaylovich VANUSHEV, The Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation, Doctor of Philology, main Scientific Worker of Philologic Researchers Department, Honored Professor of Udmurt State University, National Writer of Udmurtia, e-mail: vvanushev@mail.ru

This is a continuation, or an organic part of the publication “The representative of the late literary genesis, or dialogue with the first Udmurt scholar and writer” in the scientific journal “Tambov University Review. Series Humanities”. Tambov, 2015. Issue 3 (143). In this paper was made attempt to understand the motives of the irrepressible passion of D.M. Sakharnykh to refute the conventional agreement that the poem “Chagyr, Chagyr dydyke...” = “Grey, grey dove”, published in the form of a folk song by the first Udmurt scholar and writer G.Y. Vereschagin in 1889 in his ethnographic monograph “Votyaki Sarapul'skogo uyezda Vyatskoy gubernii” in St. Petersburg, comes from Vereschagin's pen, the Udmurt “folk-linguist”, as he called himself sometimes. Was disclosed an artificial dramatization of the usual view of this poem which occupies a key position in the history of the Udmurt literature, the failure of all five “proofs” is revealed. Prompt appearance of the work was caused by the emergence of a statement in Wikipedia that “before” this poem was attributed to the pen of G.E. Vereshchagin, but now young scientists “proved” that this is purely a folk song.

Key words: the author's poem; folk song; conscious cultivation of a lullaby.